

Рис. 1. Один из листов «Корана 'Усмана», хранившийся в мазаре шейхов 'ишкиййа в Катта-Лангаре. Полевая фотография (2001 г.)

Глава III

ИСТОРИЯ ТЕКСТА КОРАНА

*«Во имя Бога и пророка!
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он — тайна тайн. Элиф. Лам. Мим»*

*«Элиф. Лам. Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыв их тайну Мохаммед...»,
«Молчи, молчи! — сказал он строго, —
Нет в мире Бога, кроме Бога,
Сильнее тайны силы нет».*

Иван Бунин (1905)

Наша машина съехала на обочину и остановилась на краю обрыва. Далеко впереди на склоне виднелось небольшое купольное здание, удивительно гармоничное на фоне гор. Катта-Лангар, мечеть и усыпальница суфийских шейхов братства 'ишкиййа. Я глубоко вдохнул еще прохладный утренний воздух: там меня ждут листы одной из древнейших рукописей Корана в мире, часть которой хранится теперь в Санкт-Петербурге. Мы сделали несколько фотографий и двинулись дальше. Встреча со старожилками, короткие переговоры, получасовой подъем в гору — и вот уже передо мною желтоватые листы древнего благородного пергамена (рис. 1). По меньшей мере двенадцативековая судьба этой рукописи — удивительная история, неразрывно связанная с судьбами династий и государств, городов и людей, с судьбами исламской цивилизации от ее возникновения в Аравии VII в. до торжества ислама, пережившего коммунизм на просторах мусульманских республик бывшего СССР.

3.1. Свод

Считается, что Мухаммад не успел составить свод полученных им откровений, который имел бы официальный статус. Существуют указания на то, что Пророк стремился к этому: «Не торопись с Кораном прежде, чем будет закончено тебе его ниспослание, и говори: “Господи мой! Умножь мое знание”» (20:114). В последние годы своей жизни он приступил к выполнению этой задачи, имея целью создать Писание (*ал-китаб*), подобное священным книгам иудеев и христиан. Он умер до того, как работа была закончена, однако откровения были сохранены в записях и памяти его секретарей и последователей.

Традиция передает имена людей, собиравших откровения Пророка еще при его жизни независимо от него. Среди них называют ‘Али, Салима и Абу Мусу, ‘Усмана б. ‘Аффана, Халида б. Са‘ида, Убаййу б. Ка‘ба. Разные источники называют и другие имена лиц, записывавших за Пророком его откровения.

Последователи Мухаммада знали многие откровения наизусть, часть текстов, вошедших в Коран, использовалась ими в богослужебных целях. История текста Корана после смерти Мухаммада неразрывно связана с важнейшими событиями в жизни мусульманской общины и Халифата. Естественно, что после смерти Пророка сразу несколько его последователей предприняли попытку собрать все известные откровения. По разным сообщениям, за двадцать лет, прошедших после смерти Мухаммада, возникло по крайней мере пять версий такого текста.

Решение о составлении сводного текста Корана было принято в критический для ислама период, обозначаемый как *ар-ридда* — «отступничество», когда многие племена выступили против власти халифа и шла борьба за утверждение власти мединской общины над Аравией. Именно тогда впервые со всей очевидностью перед мусульманской общиной встала необходимость собрать и сохранить божественные мудрость и руководство, данные Мухаммаду в откровении и обеспечившие победу его делу при жизни Пророка. Тогда и появились так называемые *ас-сухуф ал-бакриййа*,

собрание которых было осуществлено, по преданию, секретарем Пророка Зайдом б. Сабитом по приказанию Абу Бакра, преемника Мухаммада.

Второй этап работы над текстом связан с потребностями уже иного периода, когда победоносные мусульманские армии овладели Ираком, Сирией, Египтом. Распространение ислама на громадных территориях, возникновение региональных центров управления провинциями огромного государства — все это довольно быстро показало необходимость «издания» единого для всех текста Корана. Согласно мусульманским источникам, именно в таких центрах, как Мекка, Медина, Дамаск, Куфа и Басра, возникли местные традиции передачи текста, связанные с именами тех из сподвижников Мухаммада и первых собирателей его откровений, которых судьба разбросала по этим городам. Так, по преданию, Хомс и Дамаск следовали варианту Му‘аза б. Джабала, Куфа — Ибн Мас‘уда, Басра — Абу Мусы ал-Аш‘ари (ум. 662), Сирия — Убаййа б. Ка‘ба. Передаваемые версии текста отличались друг от друга числом и порядком расположения откровений, отдельными словами или выражениями, пропуском или, наоборот, добавлением отдельных слов или фраз, некоторыми орфографическими особенностями и т. п.

Разночтения в Священном тексте грозили расколом внутри мусульманской общины, благо, споры о праве на верховную власть в ней и без того уже вызвали ожесточенную внутреннюю борьбу. Такая опасность возрастала и в связи с тем, что на завоеванных территориях мусульмане вошли в контакт с целым морем религиозных доктрин и учений, бурлившем на Ближнем и Среднем Востоке. На этом фоне третий халиф ‘Усман предпринял в Медине, где соответствующая традиция была по понятным причинам представлена наиболее полно, попытку создания единой для всей общины редакции Священной книги. Такой текст (*имам*), основанный на одной из версий, сохранявшейся в Медине, и с учетом других записей, правильность которых подтверждалась двумя свидетельствами, был собран в 650—656 гг. специальной коллегией под руководством Зайда б. Сабита. По преданию, выверенные копии этого текста были разосланы по важнейшим политико-административным центрам Халифата (источники называют Мекку, Басру, Куфу,

Дамаск, Медину, иногда также Египет и Бахрейн). Особенности фиксации текста потребовали посылки вместе с каждой копией чтеца, знавшего Коран наизусть.

По преданию, в попытке обеспечить полное единообразие халиф ‘Усман приказал сжечь все копии, содержавшие отличный от разосланного вариант текста. Однако исследования сохранившихся древнейших рукописей показывают, что вывод из оборота ранних коранических списков произошел не ранее рубежа IX–X вв. Хотя начинание ‘Усмана и было поддержано общиной в целом, а созданная под руководством Зайда б. Сабита версия встретила одобрение, другие тексты исчезли не сразу. Не все были готовы безоговорочно выполнить приказ халифа. Так, Ибн Мас‘уд, согласно преданию, заявил, что он тогда уже собирал Коран, «когда Зайд еще был в утробе многобожницы». Кроме того, многие продолжали помнить тексты Корана, несколько отличные от *расм ‘Усмани*, наизусть. Запоминание продолжало оставаться основным способом хранения и передачи Священного текста. Источники сохранили следы стойкой оппозиции самой идее письменной фиксации как заведомо обреченной на воспроизводство ошибок.

Особенности этого периода *письменно-устного бытования* Корана обусловили сложности, с которыми столкнулись мусульманские авторитеты в процессе выработки правил фиксации единообразного текста Корана.

И наконец, появление, а потом и окончательное закрепление огласовок в Коране, т. е. становление в полном смысле единообразного текста, неразрывно связано с острыми идеологическими дискуссиями, проходившими в мусульманском обществе в VIII–X вв.

В связи с кодификацией Священного текста мусульманской общине необходимо было решить несколько задач:

— выработать приемлемый для всех авторитетов вариант консонантной основы текста Корана (*расм* или *хатт*, *китаб*, *китаба*, *катаба*);

— внедрить систему диакритических знаков (*‘аджм*, *и‘джам*, *накт*) и знаков вокализации (*шакл*, *ишквал*, *ташкил*, *харакат*, иногда также *накт*) и установить единый «стандарт рецитации» (*дабт* или *лафз*, *нутк*);

— принять общие правила рецитации (*кава'ид ал-кира'ат*) Корана, так как и после решения двух первых задач сохранялась возможность неоднозначного понимания текста (например, отметить место необходимой полной (*вакф ат-тамм*) или невозможной «отвратительной» паузы (*вакф акбах*) при рецитации, чтобы избежать искажения текста).

Задача разработки грамматических основ арабского языка становилась особенно актуальной в связи со стремительным ростом числа неарабов среди мусульман. Возникла реальная опасность искажения арабского языка, что неизбежно отражалось на понимании Священного текста, приводило к ошибкам при его рецитации.

Для создания единой редакции текста Корана были необходимы не только разработка основ грамматики арабского языка и выработка необходимого инструментария полной письменной фиксации арабского текста, но и политическая воля и авторитет. Сначала это были воля и авторитет Абу Бакра, 'Умара и 'Али, затем инициатива двух выдающихся иракских наместников Зийада б. Абихи (ум. 675) и ал-Хаджжаджа (ум. 714), покровительство влиятельных халифских *вазир*ов Ибн Муклы (ум. 940) и Ибн 'Исы (ум. 946).

Источники сообщают нам, что варианты текста (*ал-кира'ат*), основанные на различиях в передаче консонантной основы слов или целых фраз, передавались в мусульманской ученой среде вплоть до X в. Ясно, что сохранялись только те варианты, которые имели филологическое или теологическое значение. Очевидно также, что такие варианты могли служить и служили существенными аргументами в идейной полемике. Это, в свою очередь, являлось серьезным стимулом к «фабрикации» вариантов, возникавших из попыток «нужного» истолкования Священного текста. Однако в целом следует признать, что распространение *расм 'Усмани* свело вариативность текста Корана к минимуму, и первая из упомянутых задач была решена.

Арабское письмо в то время передавало лишь консонантную основу текста, при этом один и тот же знак использовался для обозначения сразу нескольких букв. По-видимому, еще до ислама для различения букв одинаковой формы стали использовать точки под или над буквой. Они зафиксированы на двух папирусах, датированных 643 г., но использовались нерегулярно.

Кроме того, консонантная основа могла быть огласована различно. Возникали и исчезали различные системы, разрабатывавшиеся в первую очередь в таких центрах мусульманской учености, как иракские города Куфа и Басра, где развивались конкурировавшие между собой грамматические системы (ед. *мазхаб*), возникавшие в рамках нерасчлененного поначалу комплекса религиозно-правовых дисциплин и разделявшие общие подходы и терминологию. В это время знаменитые чтецы (*ал-курра'*) были одновременно и знаменитыми грамматиками (например, Ибн Аби Исхак ал-Хадрами (ум. 735/6) или Абу 'Амр б. ал-'Ала' (ум. 770). Постепенно поколению внуков и правнуков Пророка удалось подойти к созданию стройной системы подстрочных и надстрочных знаков, позволившей перейти от *scriptio defectiva* к *scriptio plena*. Согласно традиции, возможно, восходящей к кому-то из басрийских филологов, первый этап данного процесса был связан с именем Абу ал-Асвада ад-Ду'али (Дили) (ум. 688). Этого человека (он был секретарем, *кади*, военачальником, поэтом) из круга 'Али называют основателем '*илм ан-нахв*. Традиция связывает работу Абу ал-Асвада сначала с инициативой 'Али, а затем с поручением знаменитого омеййадского наместника и названного брата Му'авийи Зийада б. Абихи, правившего всей восточной частью Халифата. Для нас важно не столько имя конкретного исполнителя, в данном случае Абу ал-Асвада, сколько упоминание традицией роли 'Али и Зийада б. Абихи. Первый не мог не понимать важности дальнейшей работы над унификацией текста Корана как для дела ислама, так и для своей репутации. В свою очередь Зийад, прославившийся умом и решительностью и верно служивший Омеййадам, был как раз тем человеком, который исходя из государственных и династийных интересов должен был понимать необходимость продолжения работы над текстом Писания. Возможно, на этом этапе речь шла об обязательности использования уже существовавших диакритических знаков при переписке Корана.

На втором этапе традиция не менее упорно выделяет роль другого столь же могущественного, решительного и умного омеййадского наместника ал-Хадждаджа (ум. 714), железной рукой усмирившего смуты, раздиравшие Халифат, и писавшего стихотворные послания, ставшие образцом жанра. По преданию, ал-Хадждадж пору-

чил своим писцам Насру б. 'Асиму (ум. 707) и Йахйе б. Йа'муру (ум. 746) довести до конца выработку системы обозначений для долгих и кратких гласных и установить ряд дополнительных элементов письма. Важно отметить, что подобная работа встречала оппозицию, особенно в Медине, где считалось, что переписанные таким образом тексты приемлемы разве что для детей, учащихся читать. Все большее приближение к *scriptio plena* грозило снижением роли чтецов Корана (*курра'*), знавших текст наизусть и признававшихся обществом главными носителями традиции. К инициативе ал-Хадждажа относят и возникновение деления текста Корана на тридцать равных частей (ед. *джуз'*), обусловленного богослужебными потребностями.

Любопытно, что почти на это же время (VII–IX вв.) приходится деятельность масоретов, разрабатывавших систему огласовок еврейского консонантного алфавита с целью обеспечения единообразного понимания текста ветхозаветных книг.

Развитие системы письма и фиксации грамматической системы были завершены в основном к концу IX в. Одна из дошедших до нас рукописей этого периода, «Хадис Давуд» Вахба ал-Мунаббиха, датированная 844 г., содержит уже практически полный набор знаков вокализации.

К этому времени Халил б. Ахмад (ум. 786/7 или 791) разработал и ввел дополнительные знаки (*хамза, ташдид, васл*). Его ученик знаменитый «басриец» Сибавайхи (ум. 796), грамматик ал-Асма'и (ум. 828), Абу 'Убайда (728–824/5), Абу Зайд ал-Ансари (ум. 830/1), ученики упомянутого выше Абу 'Амра б. ал-'Ала' (ум. 770), а также «куфиец» ал-Фарра' (ум. 822) создали труды, ознаменовавшие освоение арабскими грамматиками стихии языка и завершение создания стройной грамматической системы. «Китаб» Сибавайхи содержит бесчисленное множество коранических примеров. Грамматика создавалась ради Корана, но и опиралась на него.

В IX в. центр учености перемещается из Басры и Куфы в столицу Халифата Багдад. Здесь процветала переводческая деятельность, трудились знаменитые философы, экзегеты, правоведы, здесь возникла грамматическая школа, объединившая элементы прежних систем, работали выдающиеся грамматик ал-Мубаррад (ум. 898) и его ученик ас-Саррадж (ум. 928). Здесь же начало X в. было

отмечено несколькими попытками достигнуть нового уровня в унификации текста Корана. Были созданы три работы, озаглавленные «Китаб ал-Масахиф» и посвященные проблеме *ал-кира'ат*. Их авторами были Ибн Аби Давуд (ум. 928), Ибн Анбари (ум. 938/9) и Ибн Ашта ал-Исфахани (ум. 970/1). Однако главную роль суждено было сыграть ученику Ибн Аби Давуда Ибн Муджахиду (859–935), знаменитому авторитету в коранических науках, который работал в Багдаде, находясь под последовательным покровительством двух влиятельнейших великих *вазир*ов Ибн Муклады и Ибн 'Исы, чья власть и влияние можно было уподобить власти регента при особе *халифа*.

Сочинение Ибн Муджахида носило название «Ал-Кира'ат ас-саб'а» и претендовало едва ли не на официальный статус, закрепляя систему допустимых коранических «чтений». Предложенная система опиралась на консонантную основу «'Усмановой редакции» и ограничивала варианты ее огласовки семью, принадлежавшими соответственно семи авторитетам VIII в. Все они были признаны одинаково правомерными, при этом использование других вариантов (*ал-ихтийар*) было запрещено.

Важно отметить, что после появления сочинения Ибн Муджахида, который выступал против использования в толковании вариантов из списков Убаййа б. Ка'ба и Ибн Мас'уда, эта точка зрения стала проводиться в жизнь с помощью судебных решений («дела» Ибн Миксама в 934 г. и Ибн Шаннабуза в 935 г.)

Последнего (ум. 939) по приказу *вазира* Ибн Муклады не только выпороли, но и заставили произнести следующие слова в качестве отречения от любых «чтений», не получивших одобрение Ибн Муджахида: «Я читал тексты, отличные от тех, которые восходят к 'Усмани и были одобрены сподвижниками Пророка. Теперь я ясно вижу, что они были неправильны. Я искупил свою вину и отрекаюсь от своего прежнего мнения. Текст 'Усмана — истинный текст, который никто не имеет права отвергать или подвергать сомнению»¹. Теолог ал-'Аттар (ум. 965) использовал в своем толковании на Коран несколько «чтений», которые не соответствовали «официальной

¹ А. Мец. *Мусульманский ренессанс* (Москва, 1973), с. 195.

редакции». Он полагал, что незыблемой должна оставаться лишь консонантная основа текста, и допускал любые варианты огласовки, которые имели смысл с точки зрения грамматики. После доноса властям его вызвали на заседание специально созванной коллегии *факихов* и *чтецов*. Его отречение было «запротоколировано» и подписано всеми присутствовавшими. По преданию, он, однако, сохранил все свои варианты и даже передавал их своим ученикам. Такая настойчивость в борьбе против «неканонических» чтений объясняется тем, что использование либо изобретение текстуальных или орфографических вариантов коранического текста было неразрывно связано с развитием мусульманской экзегетики, а в конечном счете — с идейной борьбой в арабо-мусульманском обществе.

Семь групп вариантов коранического текста — «чтений» (*ал-кира'ат*), принятых Ибн Муджахидом, воспроизводили практику, господствовавшую в различных областях Халифата — в Медине, Мекке, Басре и Куфе. Последняя была представлена тремя «чтениями». Для каждой из традиций было отмечено по два несколько отличных варианта передачи (*ар-ривайа*). Постепенно эта система получила широкое распространение, однако продолжали существовать и другие взгляды. Одни мусульманские авторитеты говорили о традициях десяти чтецов (ед. *кари'*), каждая из которых также передавалась в двух версиях, другие — о четырнадцати, отмечая у последних четырех только один вариант. Эти системы известны как «три после семи» и «четыре после десяти». На практике получили распространение лишь две из традиций, отмеченных Ибн Муджахидом: куфийская — «Хафс (ум. 805) 'ан 'Асим» (ум. 744) и, в меньшей степени, мединская — «Варш (ум. 812) 'ан Нафи' (ум. 685)». «Борьба чтений», едва ли оказывавших, впрочем, серьезное влияние на понимание текста, сопровождалась острой полемикой, которая была отражением серьезных идеологических и политических разногласий внутри исламской общины.

Так, в 1007–1008 гг. в Багдаде произошел инцидент, связанный с *мусхафом* Ибн Мас'уда, вызвавший возмущение в городе и приведший к столкновениям между суннитами и шиитами. В ночь на 25 апреля 1008 г. некий шиит из Кербелы принялся публично осуждать «человека, который сжег *мусхаф*», намекая

на халифа ‘Усмана, обвиняемого шиитами в узурпации власти, по праву, по их мнению, принадлежавшей имаму ‘Али, преследовании ‘Абдаллаха б. Мас‘уда и приказе об уничтожении древних списков Корана, которые отличались от «‘Усмановой редакции». Шиит-подстрекатель был арестован и казнен, что вызвало возмущение среди его единоверцев. Ситуацию стабилизировало лишь совместное вмешательство халифа и буидского амира, осуществленное по просьбе группы знатных горожан. По приказу халифа была создана специальная комиссия, которая установила, что версия Ибн Мас‘уда представляет собой недопустимое искажение Священного текста.

Среди сохранившихся рукописей Корана имеются экземпляры, которые параллельно отмечают несколько вариантов «чтений». Возможно, они восходят к попытке Абу Мусы ал-Казвини, переписавшего текст таким образом, что с помощью точек разного цвета передавались разные «чтения». Один такой список хранится в Еврейской национальной библиотеке (Иерусалим), другой был приобретен знаменитым частным собирателем Нассером Д. Халили для своей коллекции.

3.2. Рубежные века

Империя бурлила. Это был период растущего разочарования в государстве и «официальном» исламе. Восстания IX–X вв. бросили вызов власти халифа: «Правда явилась миру, махди воскрес, власть ‘Аббасидов, законоведов, чтецов Корана и проповедников предания подходит к концу». В 930 г. карматы увезли черный камень Ка‘бы, в 939 г. началось «сокрытие» (*гайба*) имама шиитов, проповеди исмаилитских *да‘и* привлекали тысячи сторонников, исмаилитские экзегеты толковали скрытый (*батин*) смысл Корана, начинается расцвет новоперсидского литературного языка, на который переводится Коран. Наконец, в 945 г. Багдад был взят шиитами Буидами. Власть халифа резко ограничивается.

Последний этап работы мусульманских авторитетов над унификацией коранического текста имел место уже в совершенно иных исторических условиях, и о нем речь пойдет ниже. Однако после

Ибн Муджахида и стабилизации системы «чтений» оставалась возможность неоднозначного понимания Священного текста. Разработанная система не предусматривала чего-либо аналогичного знакам препинания, поэтому сохранялась опасность противоположного понимания фраз типа «казнить нельзя помиловать».

Внутри существовавшей системы решить эту проблему стало возможно в рамках науки о рецитации Корана (*'илм ат-таджвид*), призванной разработать набор знаков для кодификации смыслового членения, фонетических особенностей текста, ритуальных аспектов рецитации Корана и установить возможные мелодико-ритмические варианты такой рецитации.

В предисловии к тематическому выпуску журнала Американской академии религии (декабрь 1980 г.), озаглавленному «Исследования по Корану и *тафсирам*», его редактор А. Уэлч изложил свою концепцию трех главных форм бытия Корана: как теологической концепции, как текста, произносимого во время ежедневных служб, и, наконец, как Писания. Он указывал, что второй аспект бытия Корана, его изустное бытование (аспект, чрезвычайно важный для любого мусульманина, а значит, и ислама в целом), исследован западными специалистами недостаточно. Незадолго до того У. Грэм отмечал необходимость изучения Корана как «“живого слова” среди мусульман». В изучении этого аспекта «бытия Корана» видел Р. Мартин возможность свести к минимуму «кросскультурный конфликт между специалистами-мусульманами и немусульманами»².

У. Грэм, А. Уэлч и Р. Мартин не были первыми, кто обратил внимание на важность этой проблемы. В 1970 г. Г. фон Грюнебаум отмечал следующее: по-видимому, до сих пор не было достаточно ясно, что до определенного момента, наступившего в XVII в., исламская культура, подобно западной, отдавая предпочтение слуху над зрением, ставила звучащее слово выше написанного, вначале из теоретических соображений, а позднее вследствие его

² А. Т. Welch, “Qur’anic Studies — Problems and Prospects”, *Journal of the American Academy of Religion* XCVII/4 (1980). Thematic Issue: *Studies in Qur’an and Tafsir*, ed. A. T. Welch, с. 620–621; W. A. Graham, “Those who Study and Teach the Qur’an”, *International Congress for the Study of the Qur’an*. Australian National University, Canberra, 8–13 May 1980. Series 1 (Canberra, 1980), с. 27.

психологического воздействия. Одно из важнейших отличий Корана от ветхо- и новозаветных текстов состоит в том, что он является *средой ритуального контакта* с Богом в степени, значительно превосходящей аналогичные функции Писания не только в христианстве, но даже и в иудаизме. К. Падвик, автор интересной работы, посвященной мусульманским сборникам молитв, отмечала, что Коран в мусульманском богослужении является и псалтырью, и лекционным, его стиль господствует во всех молитвенных актах, произносимых вслух.

История сложения традиции *‘илм ат-таджвид*, связанной как с непосредственным чтением Корана — *‘илм ал-кира’ат*, так и с этикетным, еще не написана, хотя за последние годы этому аспекту бытия Корана была посвящена обширная литература. Эта история тесно связана с возникающим во второй половине VIII—начале IX в. мистико-аскетическим движением в исламе, позднее получившим название *ат-тасаввуф*, с практикой исламских аскетов (ед. *захид*) и подвижников (ед. *‘абид*), суфиев (*суфи*, *мутасаввиф*).

Параллельно с кодификацией текста Корана шла канонизация правил его рецитации, устанавливались основы ритуального поведения при чтении Священного текста (внешний этикет), и требования внутреннего этикета для достижения особого настроения на рецитацию и погружения в текст, разрабатывались вопросы, связанные с ритмом дыхания во время рецитации, и способы произнесения текста, обусловленные этим ритмом. Предполагалось, что рецитация Корана есть, по сути, ритуальное возвращение к акту его ниспослания. «Всякий, кто захочет освежить Коран чтением таким образом, *каким он был ниспослан*, должен читать так же, как этот сын “матери раба”» (т. е. как Ибн Мас’уд).

Традиционно считается, что первым специальное сочинение, связанное с *‘илм ат-таджвид*, написал современник Ибн Муджахида Муса б. ‘Убайд Аллах б. Хакан ал-Багдади (ум. 936). Как свидетельствует восьмая книга знаменитого труда ал-Газали «Китаб адаб тилават ал-Кур’ан», к XII в. эта система была уже детально разработана и принята общиной. В это же время появляются многочисленные рукописи Корана, содержащие набор специально

разработанных знаков. Очевидно, однако, что это был длительный процесс, историю которого еще предстоит восстановить.

Правила чтения (*кава'ид ал-кира'ат*) Корана подробно описывали вопросы ассимиляции и диссимиляции согласных, влияние согласных на произношение следующих за ними гласных, постановку фразовых и смысловых ударений и т. п. Особую роль играла регламентация постановки пауз (*вакф ва ибтида'*), ибо именно знаки пауз выполняли в основном роль знаков препинания, обеспечивали понимание смысловой нагрузки каждого *айата* в отдельности и связей между ними в целом, регулировали дыхание чтеца. Так, в *айате* 23:115 постановка паузы после глагола «призывает» полностью извращает смысл сказанного: «А кто призывает вместе с Аллахом другого бога». Между тем непостановка обязательной полной паузы на стыке 19-го и 20-го *айатов* 9-й *суры* искажает смысл сказанного: «Аллах не ведет людей несправедливых // Те[х], которые уверовали».

Несмотря на то что традиция сохранила информацию о десяти или семнадцати паузах, которые соблюдались самим Пророком, вся разработанная к этому времени система не обосновывалась *иснадом* и, таким образом, формально не восходила к практике рецитации самого Пророка и его ближайших сподвижников. В целом разработанная система была очень подробной, ею нельзя было пользоваться «механически». Она по-прежнему требовала знания большого числа специальных правил и служила подспорьем для памяти. Интересы чтецов (*ал-курра'*) не пострадали: новая система была настолько сложной, что, как и изначальная предельно простая, требовала для своего освоения длительных специальных занятий (см. ниже *Приложение 3*).

Такова вкратце история фиксации Корана, сообщаемая нам мусульманской традицией. Находки и исследования последних лет убедительно свидетельствуют, что и труды средневековых мусульманских авторитетов, и основанные на их изучении работы европейских ученых конца XIX — первой половины XX в. вскрывают лишь часть значительно более разнообразной и противоречивой истории фиксации Священного текста (о возможных путях продолжения исследований см. ниже, глава 8).

3.3. К истории рукописной традиции

Изучение сохранившихся рукописей Корана показывает, что X в. ознаменовался принципиальными изменениями в истории текста Корана. Помимо появления сочинения Ибн Муджахиды именно тогда получили распространение новые коранические почерки, отличавшиеся значительно большей декоративностью по сравнению с предыдущими. Это в первую очередь «восточный *куфи*» и курсивный *наسخи* (старейший датированный список относится к 1001 г.)

Какими же были первые книги арабов, которые появились на Ближнем Востоке вместе с победоносными мусульманскими армиями?

Собственная письменность, учитывавшая особенности фонетического строя арабского языка, возникла в Северной Аравии около V в. на основе сирийской и набатейской. До этого на юге полуострова пользовались южноарабским письмом, а на севере — вариантами арамейского. Средневековая историческая традиция называет лахмидскую ал-Хиру местом рождения нового письма, однако самые ранние его памятники обнаружены в областях Сирии, исторически связанных с Гассанидами, в то время как образцов месопотамского арабского письма доисламской эпохи до сих пор не найдено. Можно предположить, что два варианта (почерка) арабского письма возникли практически одновременно. В сирийском приграничье начали писать почерком, который позднее стал называться *хиджази*, а почерк, получивший название *куфи*, возник в столице Лахмидов ал-Хире, предшественницы Куфы.

Все дошедшие до нас рукописи Корана VII–X вв. можно разделить на две неравные части. Первую, наиболее раннюю и значительно менее многочисленную, представляют рукописи, выполненные в стиле *хиджази* (см. рис. 1). Эти списки датируются VII–началом IX в. Рукописи, условно относимые ко второй части, по-прежнему называют *куфическими* (рис. 2). Не так давно Ф. Дерош предложил новый термин для обозначения этого корпуса коранических стилей — «Аббасидская традиция»

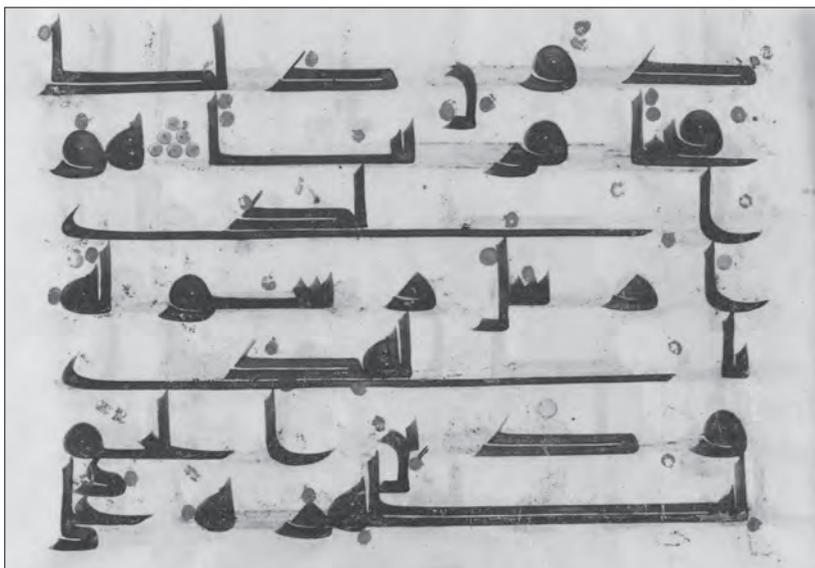

Рис. 2. Лист рукописи Корана IX–X в., выполненной почерком куфи.

(«the 'Abbasid tradition»)³. В совокупности рукописи *хиджази* и рукописи «'Аббасидской традиции», которая просуществовала в своих главных проявлениях до начала XI в., должны отражать подлинную историю фиксации текста Корана.

Очень близок *хиджази* курсивный почерк раннеисламских деловых документов на папирусе. По-видимому, им пользовались в доисламской Мекке для деловой корреспонденции. С годами этот стиль постепенно эволюционировал, приобретая все большую регулярность, и к концу VII в. его уже смогли использовать в надписях, украшающих Мечеть Скалы в Иерусалиме. Новый импульс развитие этого типа арабского курсива получило после решения халифа 'Абд ал-Малика об использовании арабского в качестве официального языка империи (697 г.)

³ Здесь и далее имеется в виду работа: Fr. Déroche. *The Abbasid Tradition. Qur'ans of the 8 to the 10th Centuries AD* (Oxford, 1992) (Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, i).

Рост влияния Ирака в жизни Халифата, инициативы иракских наместников, связанные с кодификацией текста Корана, авторитет иракских богословов и грамматиков (три из семи *ал-кира'ат*, принятых ал-Муджахидом, связаны с куфийской традицией, одно — с басрийской) привели постепенно к вытеснению *хиджази* и господству *куфи* как специального стиля, связанного с перепиской Писания.

Ранние списки Корана подтверждают, что к началу пророческой деятельности Мухаммада Аравия была знакома с книгой, а арабское письмо было к этому времени достаточно развито для передачи текстов большого объема и сложности. Как уже говорилось, формульным стало в доисламской поэзии сравнение следов покинутой бедуинами стоянки, где в одной из палаток жила любимая, с исписанными листами. Возможно, существовали библейские тексты, писанные арабским письмом. По преданию, лахмид Ну'ман б. ал-Мунзир обладал списком, в котором были собраны стихи, написанные в его честь.

Согласно традиции для фиксации проповедей Пророка в то время использовались различные материалы. Главным образом это были пергамен (*рикк*, *ракк* см.: 52:3) и папирус (*киртас*, от греч. *chartes*; см.: 6:7, 91). Основной термин, который используется в Коране для обозначения писчего материала, — *сахифа* (мн. *сухуф*). В доисламской поэзии последний мог иметь значение «кожа», «поверхность лица». В Коране к терминам *ракк* и *сухуф* могут прилагаться производные от основы *нун-шин-ра'* («развертывать», «растилать») (52:3; 71:52), т. е. имелись в виду свитки.

В обиходе для письма использовали кожу (*джилд*, *адим*), особенно тонкие полоски, похожие на ремни, а также черенки пальмовых листьев. Несомненно, эти материалы могли применяться как подручные для записи отдельных откровений, особенно в начале пророческой деятельности Мухаммада. Традиция упоминает также плоские камни, деревянные дощечки, лопатки и ребра животных. Представляется, однако, что это предание, призванное живописать «героическую юность» ислама, чрезмерно «опрощает» жителей Мекки и Медины. Возможно, подручные материалы действительно использовались, но лишь в силу дороговизны пергамента, который, согласно наблюдениям над ранними списками Корана, должен был иметь распространение в Аравии к моменту возникновения ислама.

Согласно одному из преданий, листы (*сухуф*) первых записей — Откровения — образовали *мусхаф* («книга», «кодекс», из эфиопского). *Сухуф* поместили между двумя досками (*лаухани* или *даффатани*).

К VII в. основным писчим материалом на Ближнем Востоке был пергамен, для изготовления которого использовалась козляная, овечья, газелья кожа. Кодекс, имевший вертикальный формат еще в IV в., пришел на смену свитку, что было связано именно с распространением пергамена. При этом однотетрадные кодексы не пережили V в. Естественно, что первые арабские книги (наша в их числе), а это были списки Корана, по основным параметрам напоминали своих коптских и сирийских предшественниц, разве что были немного больше по размеру.

Абсолютно большая часть рукописей Корана, относящихся к этому периоду, переписана на пергамене, который иногда «гасили». Так появились оранжево-красный и знаменитый Голубой Коран, фрагменты которого разбросаны по разным коллекциям. Сохранилось и незначительное количество фрагментов, материалом для которых послужил папирус. Пергаменам противостоит большое число рукописей, переписывавшихся начиная с первой половины X в. на самаркандской бумаге «восточным *куфи*», а затем и *насхи*. С начала IX в. бумага приобрела такое же распространение на Востоке мусульманского мира, как папирус в Египте.

подавляющая часть этих рукописей переписана в форме кодекса. Кораны, выполненные почерком *хиджази*, имеют, как правило, вертикальный формат, обычный для ближневосточной книги той эпохи, куфические — в большинстве своем горизонтальный формат. Последнее, возможно, явилось результатом влияния горизонтального типа расположения коранических надписей в интерьерах мечетей. Но, даже отвлекаясь от подобного рода соображений, этот почерк сам по себе отмечен особенностью, которая до известной степени требовала размещения текста на материале горизонтального формата. Это длинные и широкие горизонтальные штрихи, вносящие в общий характер изображения некий момент движения, несмотря даже на всеобъемлющую статичность, которая характеризует *куфи* в первую очередь. Вне горизонтального

формата такие линии казались бы непропорциональными. Пока сохранялась эта особенность почерка, сохранялся и формат. Вероятно, также сыграло свою роль и расположение в ширину рядов молящихся в мечетях, в противоположность вытянутым пространствам церквей, где молящиеся заполняли всю глубину помещения. Нельзя исключить того, что горизонтальное расположение в этой связи ассоциировалось у мусульман с сакральными функциями.

Более интересным представляется, однако же, другое допущение. При абсолютной справедливости приведенных выше наблюдений появление горизонтального формата, столь типичного для кувфических Коранов, совпадает по времени с тенденцией закрепления «особости» ислама. Священные писания христиан — это кодексы вертикального формата, Священные книги иудеев — свитки. И хотя зафиксированы также случаи переписки ранних Коранов в виде свитков, они явно стоят в стороне от основной тенденции. Кодексы с горизонтальным форматом должны были подчеркнуть отличие Священной книги мусульман от писаний христиан и иудеев в период, когда в ходе завоеваний и сразу после окончания их основного этапа происходило становление мусульманской религиозно-правовой и догматической системы, шедшее при постоянном соприкосновении с соответствующими системами «людей Писания». Мусульман уже отличала *кибла*, *азан* как способ призыва на молитву, пост месяца рамадан, арабский как священный язык... Очевидно, что в определенный момент потребовалось подчеркнуть и «независимость» ислама в выборе облика его Священной книги. Возможно, импульс этому был дан в Ираке в период не совсем ясных инициатив ал-Хаджаджа. Эти обстоятельства могут объяснять как вытеснение «профанного» *хиджази* монументальным *куфи*, позволявшим сразу отличить как сакральный текст, так и появление горизонтального формата, дававшего возможность тут же отождествить *свой* сакральный текст. Крупный размер, особый почерк и горизонтальный формат должны были выделять Священный текст и среди обычных арабских книг, которых к этому времени появлялось все больше и больше. Горизонтальный формат широко использовался по крайней мере до X в. Новый писчий материал (бумага) постепенно вызвал к жизни новые почерки и обусловил возвращение вертикального фор-

мата. Важно, что к концу X в. исчезла необходимость постоянного подчеркивания «особости» ислама. Он уже полностью сформировался как самобытная религиозно-политическая система и в качестве таковой был «признан» соседями. С XI в. в оформлении Коранов начинают использовать все больше элементов, обычных при переписке и оформлении «профанных» книг.

Основой списков Корана на пергамене (горизонтального формата, о вертикальных мы знаем очень немного) была тетрадь, состоящая из пяти длинных полос пергамена, сложенных посередине. Таким образом, получалась тетрадь из десяти листов. В связи с тем что при горизонтальном и крупном формате требовались очень длинные заготовки, а материал был дорог, в ход шли и половинки, которые прошивались с перехлестом. Стандартную тетрадь могли составлять либо две половинки и четыре цельных двойных листа, либо восемь половинок и один цельный двойной лист. Доступный Ф. Дерошу статистический материал показывает, что около 25 % рукописей состояли из тетрадей первого варианта, 40 % — второго и 35 % третьего варианта.

В силу физических особенностей разные стороны листа пергамена в различной степени поддаются обработке. Специалист легко отличит волосяную сторону от жировой. Они, как правило, имеют разную фактуру и отличаются по цвету. Чтобы избежать совмещения в развороте разных сторон пергамена, в западной традиции было принято размещать волосяную сторону лицом к волосяной, а жировую — к жировой. В подавляющем большинстве случаев мусульманские ремесленники не придерживались этого правила, и разворот ранней рукописи Корана (кроме центрального разворота тетради) обычно состоит из листов, развернутых соответственно волосяной и жировой сторонами. Это, естественно, нарушало эстетическую цельность восприятия. Видимое отсутствие попыток справиться с данной проблемой входит в противоречие с характерным для искусства мусульманской книги в целом выделением разворота как цельного и одного из центральных элементов оформления рукописи.

Подготовка листа для письма обычно предусматривала его предварительную разливку. Необходимые линии всухую продавливались на пергамене с использованием простого инструмента,

известного как *мистара*, иногда для этой цели могли использовать чернила или графит. Такая практика прослеживается уже на ранних образцах, хотя следы разметки можно обнаружить далеко не всегда даже на тех фрагментах, где характер распределения текста по определению требовал предварительной разлиновки листа. Возможно, писцы применяли для этих целей некий метод, который не оставлял следов на поверхности пергамена.

Промеры поля, занятого текстом, позволяют прийти к заключению, что переписчики руководствовались в своей работе не просто чутьем, но и некоторым набором готовых решений. Так, измерения целого ряда рукописей, осуществленные Ф. Дерошем, выявляют наличие стабильных соотношений между высотой и шириной текстового поля, таких как 1:1,5 или 1:1,333.

Принципиальной является проблема датировки ранних списков Корана, которая едва ли не с момента своего возникновения и вплоть до наших дней порождает острые дискуссии.

Датированные списки рукописей Корана I–II вв. *хиджры* исключительно редки. Зафиксированы фрагменты одной такой копии I в. (712/3 г.) и двух копий II в. (720 или 725 г.). Ряд более поздних списков датируется благодаря вакфным записям. К сожалению, эти записи нечасты. В ряде случаев рукописи могут быть более древними, чем отмечают имеющиеся записи. Самые старые вакфные записи датируются второй половиной IX в. (877/8 и 882 г.) Ряд рукописей на первой или последней странице содержит пометы о смерти или рождении отдельных лиц. Однако подлинные колофоны на рукописях рассматриваемого типа исключительно редки.

Также сложно решается проблема с локализацией. Имеющийся материал показывает, что рукописи путешествовали на огромные расстояния, и место их находки далеко не всегда можно считать местом их создания. Представители ученого сословия могли, например, использовать «родной» почерк *магриби*, работая в Дамаске.

До настоящего времени для датировки ранних списков Корана было использовано несколько методов. К сожалению, все они оказались недостаточными для того, чтобы решить принципиальный вопрос о том, существовал ли «полный» текст Корана в I в. *хиджры*.

*Рис. 3. Большая мечеть Сан'ы. Построена в VII в.
из материалов древнего дворца-крепости, восходящего к III в. н. э.*

Современные физические методы позволяют датировать любые пшечие материалы с ошибкой в 100–200 лет. Как видно, этого явно недостаточно для решения поставленной задачи.

В этой связи наибольший интерес сегодня представляет уникальный опыт немецких специалистов Х.-К. фон Ботмера, Г. Пуина и их коллег, которые долгое время были заняты изучением, консервацией и реставрацией более чем сорока тысяч рукописных фрагментов (от двенадцати до пятнадцати тысяч — на пергамене), обнаруженных в «генизе» под крышей в старинной соборной мечети Сан'ы⁴ (рис. 3). Причем из девятисот собранных из этих фрагментов списков приблизительно 10 % переписаны хиджази.

Не меньшее значение имеют и результаты исследований французских специалистов Ж. Сурдель-Томин, Д. Сурдель, С. Ори

⁴ Подробнее см.: *Masāhif San'ā'. Catalogue of the Exhibition at the Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum* (Kuwait, 1985).

Рис. 4. Мечеть Умаййадов в Дамаске, перестроенная из базилики святого Иоанна Крестителя, одна из древнейших и наиболее почитаемых мечетей в мире.

и Ф. Дероша, которые начиная с 1964 г. опубликовали серию работ о рукописных сокровищах из Большой мечети Дамаска (рис. 4). После пожара 1893 г. эти рукописи были перевезены в стамбульский Музей турецкого и исламского искусства, где ждали своего часа до 1963 г. Среди рукописей, обнаруженных там, — тысячи коранических фрагментов и целых списков⁵.

⁵ J. Sourdel-Thomin, D. Sourdel. “Nouveaux documents sur l’histoire religieuse et sociale de Damas au Moyen Age”, *Revue des Études Islamique* XXXII (1964), с. 1–25; они же, «À propos des documents de la Grand Mosquée de Damas», там же XXXIII (1965), с. 73–85; S. Ory, “Un nouveau type de *mushaf*”, там же, с. 87–149; Fr. Déroche, “Collections de manuscrits anciens du Coran à Istanbul. Rapport préliminaire”, *Études médiévales et patrimoine turc*, volume publ. à l’occasion du 100ème anniversaire de la naissance de Kemal Atatürk в серии *Culture et civilisations médiévales* of the CNRS (Paris, 1983), с. 145–165.

Несомненно, обнаружение хранилищ, подобных тем, что были открыты в Сан'е, Каире, Дамаске, Мешхеде, Кайраване, и их глубокое изучение способны оказать серьезное влияние на коранические исследования, так же как в свое время находки каирской генизы самым серьезным образом повлияли на гебраистику. Ф. Дерош, опубликовавший серию работ, посвященных рукописям Корана, и принявший участие в описании ряда крупнейших собраний таких рукописей, без сомнения является сегодня крупнейшим специалистом по проблеме.

Немецкие ученые, занятые изучением Коранов, обнаруженных в Сан'е, уже в самом начале своей работы столкнулись с необходимостью найти основу для систематизации и датировки найденных фрагментов. Методом проб и ошибок они достаточно скоро пришли к довольно простой процедуре — подсчитывали количество строк на странице, измеряли их длину, устанавливали частотность использования диакритики, анализировали особенности разделителей *сур*. В результате стало возможным распределить по кодексам 90 % из сорока тысяч обнаруженных фрагментов (размеры колеблются от 5×8 до 40×45 см), было составлено около семисот пятидесяти списков на пергамене и около трехсот пятидесяти выполненных на бумаге.

Было установлено также, что даже в том случае, если почерки были очень похожи, для того чтобы отличить фрагменты, достаточно было отследить формы конечных *каф* и *мим* (эти буквы имели множество вариантов написания). В одном случае удалось установить, что один и тот же фрагмент Корана был дважды переписан переписчиком из Сан'ы.

Ф. Дерош развил этот подход, предложив для создания типологии и установления относительной хронологии списков добавить к *каф* и *мим* отдельное и конечное написание *алифа*, срединное (иногда конечное) написание *'айн / гайн*, конечную форму *нуна* и срединную форму *ха'*. При отсутствии конечной формы *нуна* он предлагает использовать для классификации и сравнительного анализа конечные *син / шин* и *сад / дад*. При этом нужно постоянно иметь в виду, что переписчик мог использовать как внутри написания буквы, так и в лигатурах, соединяющих разные знаки, технику *машик*, позволявшую вытягивать горизонтальные элементы. Поэтому для сопоставления важен не только анализ знака / знаков, но и «облика» рукописной страницы.

Было отмечено, что особенностью почерков ранних списков является, в частности, написание вертикальных элементов высоких знаков таким образом, что их концы едва не касаются верхней строки. Обычно в рукописях, выполненных *хиджази*, между буквами, которые не могут быть связаны лигатурой, оставалось довольно значительное расстояние. *Алиф* в рукописях, переписанных *хиджази* и ранним *куфи*, пишется раздельно не только в начале, но и в середине слова (с отрывом от предыдущей буквы). Кроме того, особенностью орфографии ранних списков является систематический пропуск *алифов* и простановка *алифа* вместо *хамзы*. В таком виде текст служил лишь подспорьем для рецитации по памяти.

В большинстве ранних фрагментов в том случае, если при завершении строки не оставалось достаточно места для того, чтобы дописать слово до конца, писец с легкостью переносил оставшуюся часть слова в начало новой строки или даже страницы. А. Джеффри отмечал, что в документах на папирусе, современных ранним Коранам и очень важных в качестве сравнительного материала, достаточно хорошо прослеживается тенденция к постепенному отказу от разрыва слов, которая, однако, получила окончательное закрепление на практике лишь к концу IV в. *хиджры*.

Анализ корпуса фрагментов, найденных в Сан'е, убедительно показал, что намного легче датировать фрагменты, выполненные *хиджази*, по сравнению с рукописями, писанными *куфи*. При этом необходимо иметь в виду, что переписчики Корана были очень консервативны: они продолжали копировать почерки своих предшественников даже тогда, когда те уже давно вышли из употребления.

Не менее важный комплекс проблем связан с историей появления в списках Корана диакритических знаков. По этому вопросу существуют противоречивые сообщения мусульманских авторов. При этом ясно, что термином *накт* могли обозначаться и знаки вокализации, и собственно диакритика, и целый ряд вспомогательных значков.

Возможность использовать отсутствие или наличие комплекса диакритики для датировок Корана также весьма проблематична. Мусульманское предание зафиксировало точку зрения, согласно которой не следовало переписывать Коран с огласовками или добавлять их в уже существующие списки. Совершенно ясно, что наи-

более ранние фрагменты лишены огласовок, однако зафиксированы и случаи добавления огласовок в рукописи, переписанные ранее. В среде наиболее консервативных богословов была «мода» на переписку Корана без диакритики вовсе, и такие случаи отмечались для сравнительно более поздних списков.

Одним из существенных препятствий при доказательстве ранней фиксации текста Корана является редкость значительных по объему фрагментов текста, переписанных одной рукой. Принимая во внимание сравнительно небольшой объем текста на отдельных страницах, переписанных крупным *куфи*, легко прийти к заключению, что огромные, очевидно, многотомные рукописи (до пяти тысяч листов) — результат работы нескольких писцов, переписывавших текст частями.

Среди рукописей, найденных в Сан‘е, 12,5 % иллюминированы. Главными элементами украшения служат различные разделители, обозначающие начало и конец *сур* (занимающие иногда до целой страницы), *айатов* и групп из пяти, десяти, иногда пятидесяти и ста *айатов*, а также деление на *аджа‘* ($1/30$ часть). Орнаменты были основаны на геометрических, растительных и архитектурных мотивах. Иногда специальные розетки маркировали окончание последнего *айата суры*. На полях могли появляться рамка и украшения в форме «розеток» или «виньеток», сориентированных к краю страницы. Последние использовались для дополнительного выделения информации, дублировали «розетку», размещенную внутри текстового поля.

Форма значков, разделявших *айаты*, а также выделявших группы из пяти и десяти *айатов*, совершила заметную эволюцию. Если в рукописях *хиджази* это, как правило, группы точек или коротких линий, сделанных теми же чернилами, что и основной текст, и рукой самого переписчика, то позднее на смену приходят «кружочки» и разнообразные «розетки», использовавшиеся ранее лишь для выделения больших групп *айатов*. В оформлении «розеток» такого рода использовались наряду с чернилами разные краски. Такая работа, по-видимому, уже выполнялась другим человеком. Можно отметить, что если в рукописях *хиджази* разделители *айатов* присутствуют обязательно, то в рукописях *куфи* выделяются

две группы: либо проставляются «богатые» цветные разделители, либо они не ставятся вовсе.

Происхождение «кружочков», очевидно, можно отнести к использованию в соответствии с системой *абджад* литеры *ха'* для обозначения групп из пяти *айатов*. Среди рукописей, найденных в Сан'е, обнаружен один богато украшенный кодекс II в. *хиджры*. В нем окончание каждых десяти, двадцати, тридцати, сорока и пятидесяти *айатов* отмечено с помощью ряда знаков арабского алфавита в их числовом значении. Выделение таких групп *айатов* делалось, по-видимому, для правильного распределения дыхания при рецитации.

Факт наличия или отсутствия иллюминированных разделителей *сур* также не может служить доказательством при датировке рукописи. Действительно, те списки, которые мы считаем наиболее ранними, не содержат орнаментированных разделителей *сур*, а разделители *айатов* в них предельно просты. Окончание одной и начало следующей *суры* маркировалось лишь небольшим пустым пространством, что в те времена было обычным в оформлении деловых документов и писем. Чуть позднее появились простейшие орнаменты — композиция из переплетенных и скрещивающихся линий. А. Громан предполагает, что орнамент такого рода восходит к традиции, зафиксированной греческими и сирийскими рукописями, где похожие декоративные элементы использовались для обозначения начала главы или части текста. Что касается развернутых декоративных элементов, занимающих до половины страницы и более, то, по мнению того же Громана, такие орнаменты являются во многом «имитацией *clavi* в позднеримских тканях»⁶.

Однако существует множество примеров того, что такие орнаменты добавлялись в рукописи впоследствии, или, напротив, рукописи, переписанные сравнительно поздно, могли имитировать древнюю традицию: переписчик оставлял между *сурами* пустое место. По этой же причине нельзя надежно использовать для датировок анализ форм и элементов орнаментов, используемых в разделителях *сур*.

⁶ А. Grohman. "The Problem of Dating Early Qur'ans", *Der Islam* XXXIII (1958), с. 229.

Сейчас представляется очевидным, что заглавия *сур* появились в списках далеко не сразу: считалось невозможным смешать Слово Бога (тексты откровений) с профанной речью (заглавиями *сур*, придуманными людьми). Часто заглавия предшествующей или последующей *суры* вписывались позднее или в пустое место между *сурами*, или на поля либо писались над орнаментом. Впоследствии заглавия стали частью орнаментированной заставки и могли включать также информацию о количестве *айатов* и месте откровения. В этой связи само по себе отсутствие или наличие заглавия не является датирующим моментом: следуя консервативной традиции и имитируя древнюю рукопись, переписчик иногда и в конце IX в. оставлял пустое место между *сурами* и, естественно, опускал заглавия.

В ряде случаев в рукописях как *хиджази* (очень редко), так и *куфи* зафиксированы двойные фронтисписы, обозначающие начало или конец рукописи. Обычно это близкие к элементам классических мозаик или ковровых орнаментов композиции, составленные из простых геометрических фигур, симметричные относительно и горизонтальной, и вертикальной осей и зеркально повторяющие друг друга. Принцип дополнительности в украшении такого рода фронтисписов появился значительно позже. Было распространено использование золотой, зеленой, красной, реже — голубой краски.

Пытаясь получить дополнительные основания для датировки фрагментов, найденных в Сан'е, М. Дженкинс из музея Метрополитен осуществила сравнительный анализ орнаментов рукописей (главным образом это разделители *сур*) и декоративных элементов мусульманских архитектурных памятников, датированных II—III вв. *хиджры*.

Для сопоставления исследовательница привлекла росписи консолей потолков соборной мечети в Сан'е (относятся к периоду реставрации мечети при ал-Валиде), фрагменты мозаики и декоративные элементы с бронзовой плиты, покрывающей перемычку северного входа в Мечеть Скалы в Иерусалиме (691/2), украшения фасада Каср ал-Хайр ал-Гарби (724—727), элементы мозаики полов в Хаммам ал-'Анджар (714/5), декоративные фрагменты из Большой мечети в Дамаске (705—707) и Хирбат

ал-Мафджар (739–743), кубок, найденный при раскопках в Фустате и датируемый третьей четвертью VIII в. Дженкинс установила множество устойчивых параллелей между рукописными орнаментами и архитектурными украшениями. Проведенный анализ позволил ей подойти к возможности локализации мест переписки. Большинство параллелей обнаружено с архитектурными памятниками из исторической Сирии. Часть рукописей была, по мнению исследовательницы, переписана в Йемене⁷.

Возможность различной датировки текста рукописи и орнаментированных заставок в нем ставит под вопрос саму методику такой датировки. Очевидно, однако, что полученные таким образом данные можно рассматривать как верхний предел датировки.

Как известно, представители различных школ коранических «чтений» расходились в установлении числа *айатов* в той или иной *суре*. Это, казалось бы, дает нам возможность простым подсчетом числа *айатов* отнести рукопись к той или другой школе. Проблема, однако, в том, что уже предварительный анализ рукописей *хиджази* показал, что значительная часть реальных списков не подпадает ни под одну классификацию. Такая же картина выявляется и при попытке «подвести» ту или иную рукопись к одному из *ал-кира'ат*, принятому мусульманской традицией. Более того, рукописи, обнаруженные в Сан'е, выявили множество новых «чтений», не зафиксированных традицией. Эти же списки позволили определить и последовательности *сур*, не совпадающие ни с принятой последовательностью, ни с порядками расположения *сур* в списках Ибн Мас'уда и Убаййа б. Ка'ба, которые нам сохранила традиция. Зафиксированы, в частности, следующие последовательности 19 > 22, 36 > 38, 67 > 71, 72 > 51, 67 > 83. Наличие разных последовательностей *сур* позволило Пуину задать вопрос, означает ли это, что «при жизни Мухаммада большая часть *сур* не была записана и зафиксирована в своей более или менее окончательной форме»⁸.

⁷ M. Jenkins. "A Vocabulary of Umayyad Ornament", *Masahif San'a'* (Kuwait, 1985), с. 29–33.

⁸ G. R. Puin. "Observations on Early Qur'an Manuscripts in San'a'", *The Qur'an as Text*, ed. St. Wild (Leiden, 1996), с. 111.

Таким образом, сегодня очевидно, что реальная история фиксации текста Корана, сохраненная для нас ранними рукописями, самым серьезным образом отличается от той, которую сохранила традиция. Лишь анализ рукописей позволит восстановить подлинную историю постепенной фиксации канона.

Ранние рукописи Корана важны не только с точки зрения истории текста. Они донесли до нас уникальный материал, необходимый для реконструкции истории культурного взаимодействия различных областей Аравии накануне ислама. В первую очередь это были лахмидская ал-Хира — восток Аравии, сирийское приграничье, находившееся под контролем гассанидов, — Западная Аравия, Южная Аравия. Эти рукописи — один из важнейших элементов для изучения истории сложения раннеарабской грамматической традиции, эстетических представлений первых поколений мусульман. Без изучения ранних рукописей Корана невозможно воссоздать историю книжной культуры Ближнего Востока в целом. В этой связи ввод в научный оборот новых рукописных материалов представляет сегодня первостепенный интерес. Именно они сохранили для нас важнейшие элементы *подлинной* истории фиксации Священной книги мусульман.

До нас дошли тысячи и тысячи рукописных копий коранического текста: громадные, которые с трудом поднимет один человек, и крошечные, легко помещающиеся на ладони, роскошные, исполненные по заказу сиятельных особ, и скромные, бывшие надежными спутниками в жизни людей небогатых. Эти списки отражают разные представления о прекрасном, складывавшиеся на протяжении многих сотен лет у разных людей и различных народов. Рукописи Священной книги вобрали в себя все лучшее из того, что было характерно для арабо-мусульманской книжной продукции, ареал распространения которой поистине необъятен. Вряд ли в мире сыщется еще одна книга, стандартный текст которой мог быть украшен изобразительными элементами, характерными, например, для коптского Египта или Центральной Азии, Валенсии или Индии, Китая или европейского барокко... В этом отношении коллекции рукописных Коранов служат своеобразными путеводителями по морю мусульманской книжности.

3.4. После рукописей

Как будет подробно говориться ниже, в 1787 г. в типографии Академии наук в Петербурге впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана (рис. 5 а, б). В Петербурге с 1789 по 1798 г. вышло пять изданий Корана (по разным данным, тираж составлял 1200 или 3600 экземпляров). В дальнейшем казна хорошо зарабатывала на продаже Коранов.

В 1801–1802 гг. после снятия ограничения на публикацию в России исламской религиозной литературы арабский шрифт типографии Академии наук был передан в Казань, где открылась первая мусульманская типография. С 1802 по 1859 г. в Казани этот текст, получивший высокую оценку европейских ориенталистов, выдержал множество публикаций (было опубликовано до ста пятидесяти тысяч экземпляров полного текста) и по существу вытеснил в Европе предшествовавшие издания Корана. Так называемые «Казанские Кораны», воспринятые как первое мусульманское издание, получили широкое хождение и неоднократно воспроизводились на Востоке (зафиксированы и рукописные подражания). По мнению выдающегося французского исламоведа Р. Бляшера (1900–1973), возможно, именно они сыграли решающую роль в многовековом процессе закрепления единообразия текста Корана⁹. Одним из достижений издателей была публикация в издании 1857 г. наряду с основным текстом в редакции Хафса коранических вариантов (*ал-кира'ат*), воспроизводящих традицию «семи чтений». Это была уникальная попытка приблизиться к уровню критического издания, повторенная впоследствии рядом восточных перепечаток.

Проект Екатерины Великой смог получить такое продолжение в силу особого стечения исторических обстоятельств. К середине XIX в. Казань, главный центр российского мусульманства, встала в ряд основных интеллектуальных столиц ислама и по ряду направлений могла соперничать с такими центрами как Стамбул, Каир и Бейрут. Этому способствовал высокий уровень образованности коренного населения, идеи религиозно-политиче-

⁹ R. Blachère. *Introduction au Coran* (Paris, 1947), с. 133.

ского возрождения, охватившие не только верхи мусульманской интеллигенции, но и самые широкие массы. Экспансия России в Средней Азии сопровождалась активным проникновением сюда татарского купечества и торгового капитала. Продукция казанских типографий была одним из основных товаров на книжных рынках Бухары, Самарканда, Ташкента. Кораны, отпечатанные в Казани, можно было встретить в Иране, Афганистане, Индии. Русские паломники привозили их с собой в Хиджаз, ими пользовались в странноприимных домах, создававшихся в Мекке для российских мусульман и на российские деньги. В советское время эта версия текста дважды публиковалась официальными мусульманскими инстанциями (Уфа, 1923, 1956).

Последний этап работы по унификации текста Корана связан с выходом в свет в 1919, 1923, 1928 гг. в Каире нового издания текста, осуществленного под покровительством египетского короля Фу'ада I (1868–1936). Издание, ставшее в настоящее время последним шагом в канонизации орфографии, структуры текста и правил чтения, осуществлено специальной коллегией мусульманских ученых. Работе над этим изданием предшествовала полная потеря интереса к кораническим «вариантам» (*ал-кира'ат*) в трудах египетских модернистов. За основу было взято одно из «семи чтений», наиболее популярное к тому времени в мусульманском мире, а именно «чтение» «Хафс 'ан 'Асим». В своей работе члены коллегии опирались не на анализ ранних рукописей, а на современные им мусульманские сочинения по проблемам «чтений» (*ал-кира'ат*), что, безусловно, сужает значение этой работы. Тем не менее египетское издание, повсеместно принятое сегодня как в мусульманском мире, так и европейскими учеными, явилось значительным шагом в изучении текста¹⁰. Самое распространенное к тому времени европейское издание текста Корана, осуществленное Г. Флюгелем, оказалось в целом не слишком удачным. Опубликованный текст не содержал критического аппарата. Г. Флюгель не следовал ни одной из мусульманских традиций передачи текста.

¹⁰ G. Bergstrasser, “Koranlesung in Kairo”, mit einem Beitrag von K. Huber, *Der Islam* XX (1932), с. 1–42.

سورة البقرة مايتان وثمانون
 وست ايات في الكوفي وهى
 اول ما نزل بالمدينة وذكر قوم
 انها من نبى سوى ابيه منها وهى
 قوله تعالى وانتوا ابو ما ترجع
 ن فيه الى الله فانها نزلت يوم
 التجرى منى في حجة الوداع وكلا
 مها ستة الالف ومائة احدى
 وعشرون كلمة وحررها خمسة
 وعشرون الفا وخمسون مائة
 حرفا

قوله تعالى الذين يؤمنون
 بالغيب اى يصدقون باخبار
 الله عز وجل عن الجنة والنار
 والقيامة والحساب وانسابه
 ذلك ماخوذ من غريب القران
 للغزيرى

وقوله تعالى الذين يتيهون
 الصلاة وافانمتها ان يؤتى بها
 محتوقا كما فرض الله عز وجل
 يقال قام بالامر وافانم به اذا جاء
 به حقوقه ماخوذ من غريب
 القران للغزيرى

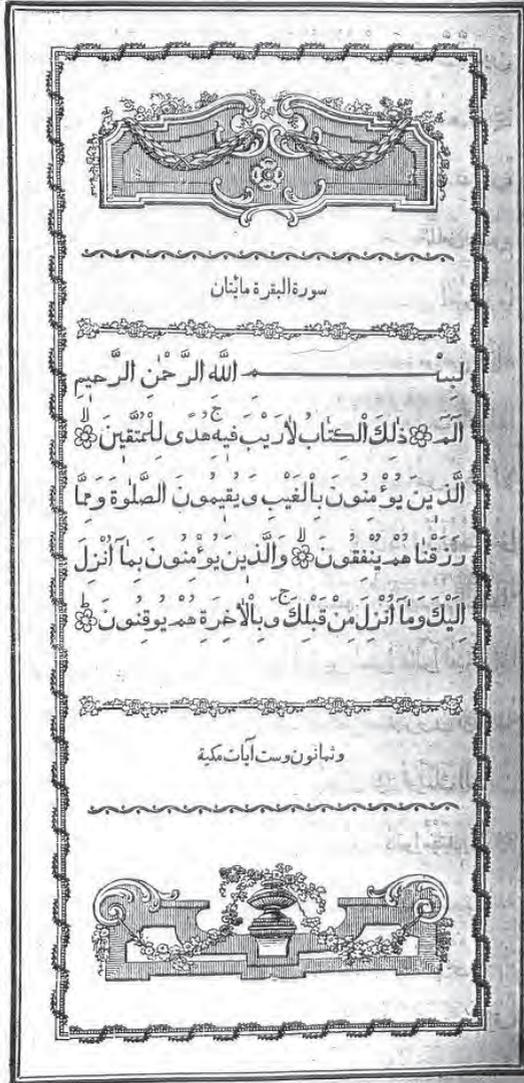

Рис. 5 а, в. Первые страницы Корана, изданного в Санкт-Петербурге в 1787 г. по указу Екатерины Великой.

Принципы, согласно которым он готовил свою публикацию, остались нераскрытыми до сего дня.

Работа мусульманских авторитетов над текстом Корана не была, как и прежде, явлением, изолированным от процессов и перемен, происходивших в исламском мире. На этот период приходится пик деятельности мусульманских реформаторов, стремившихся к обновлению ислама через возрождение «великих исламских традиций». В этой связи создание канонического текста Корана представлялось делом исключительно актуальным, важным в первую очередь для осознания единства мусульманского мира. Ведь именно в это время с ликвидацией султаната в Турции (1922) Халифат был отделен от светской власти, а затем и упразднен (1924), что воспринималось многими мусульманами как катастрофа. Чуть позже в ходе политики «туркизации» в Турции были изданы переводы Корана на турецкий язык без оригинального арабского текста (рис. 6).

В покровительстве проекту нового издания Корана проявились амбиции Фу'ада I, ставшего после распада Османской империи правителем крупнейшего и наиболее влиятельного мусульманского государства. Кроме того, успешная работа над текстом Корана должна была продемонстрировать приоритет мусульманских ученых перед западными ориенталистами в этой важнейшей для исламского мира области.

Вместе с тем выход в свет египетского издания, ставшего сегодня наиболее распространенным в мусульманском мире, не означал полного исчезновения других традиций передачи текста. На западе мусульманского мира, а также в зайдитском Йемене продолжала сохраняться традиция, восходящая к другому передатчику — Варшу (ум. 812). Сегодня публикации Корана в этой передаче осуществляются не только в Северной Африке, но и в Каире и Саудовской Аравии, в то время как в Тунисе был опубликован Коран в редакции, восходящей к Хафсу.

В начале XX в. казалось, что окончательное решение комплекса проблем, связанных с ранней историей Корана и изданием его критического текста, не за горами. Ученики Т. Нольдеке плодотворно работали, продолжая труд учителя над «Историей Корана» (знаменательно, что сам Нольдеке от продолжения этой работы уклонился).

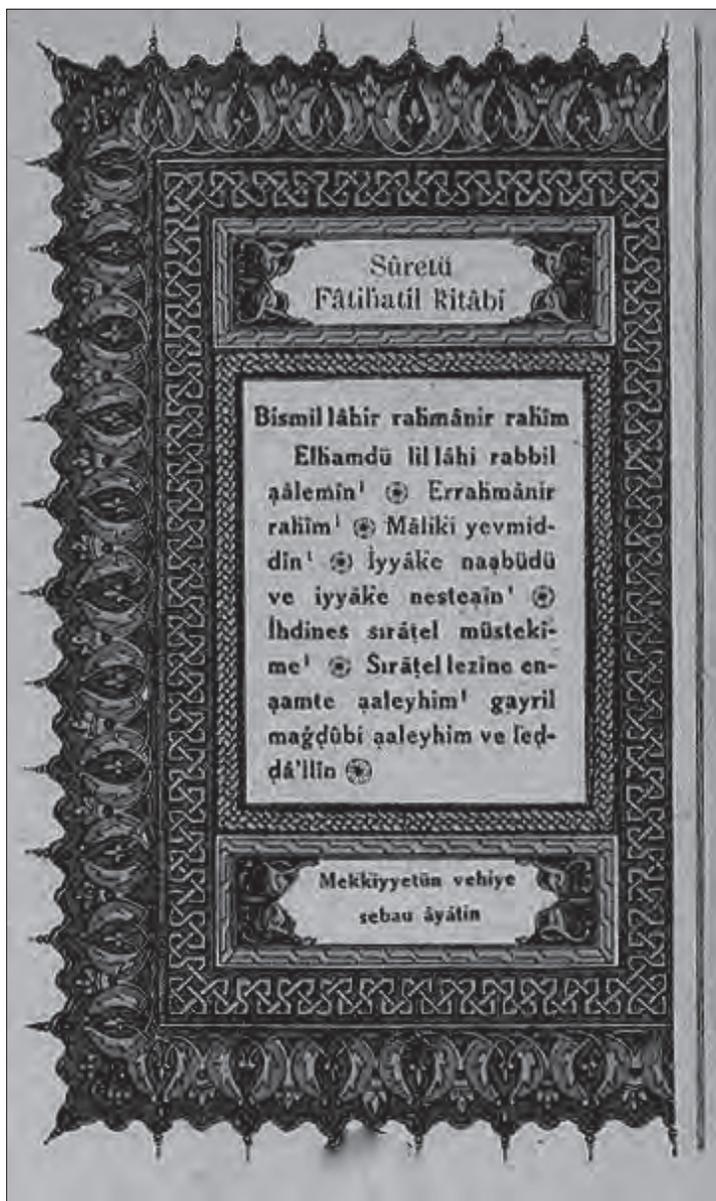

Рис. 6. Первая турецкая публикация Корана латиницей:
«Elkur'an Elmushafuşşerif» (Istanbul, 1932).

В 1927 г. Г. Бергштрессер и А. Джеффри совместно разработали план критического издания текста Корана, о необходимости которого говорили А. Даранбур, Р. Гейер, И. Гольдциер. В работе 1935 г. «Прогресс в изучении текста Корана» А. Джеффри отмечал отсутствие не только критического издания, но и обзорного сочинения по «коранической теологии», развернутого научного комментария к тексту, документированного словаря к Корану. Он писал о важности изучения коранической лексики. Издавались сочинения средневековых мусульманских авторов по проблеме «чтений», в Мюнхене собирался фотоархив по ранним спискам. Трагическая смерть Г. Бергштрессера в Баварских Альпах, Вторая мировая война, едва не уничтожившая бомбами союзников мюнхенский фотоархив (не так давно он был обнаружен, но оказался далеко не таким богатым, как все считали), уход из жизни основных участников проекта сказались на нем самым фатальным образом. Одновременно стали осознаваться и методологические проблемы, связанные с самим характером подхода.

Публикация текста Корана, отличного от *расм* 'Усмани, представляется сегодня малопродуктивной в первую очередь в связи с тем, что весь комплекс мусульманских религиозных наук основан именно на этой редакции. Такой текст стал бы «вторым Кораном Флюгеля», так как никогда не был бы признан мусульманской традицией. Сегодня не так интересна реконструкция некоей искусственной формы текста, сколько важно изучение истории его фиксации и эволюции его интерпретации в разные эпохи и в разных областях мусульманского мира.

Символично, что завершение публикации энциклопедии коранических чтений, появление которой в совокупности с «каирским изданием» означало по существу реализацию идеи критического издания, совпало по времени и месту с открытием в Кувейте выставки рукописей Корана из Сан'ы. Именно анализ этих рукописей впервые со всей очевидностью показал несоответствие той истории текста Корана, которая реконструируется на основе мусульманской традиции, реальной истории первых этапов фиксации текста. Исследования рубежа 1970–1980-х годов еще раньше подтвердили противоречивость самой этой традиции.

Только совместная работа палеографов, лингвистов и историков, тщательное описание и изучение сохранившихся рукописей, создание базы данных по ранним спискам, их издание и изучение способны дать объективные материалы для воссоздания ранней истории Корана. В конечном итоге только такая работа может приблизить нас к воссозданию реальной истории Священного текста, истории, которая являла себя в борьбе и столкновении различных мнений и завершилась утверждением мусульманского канона.

Вопросы для самоконтроля

Когда и кем было принято решение о составлении сводного текста Корана?

Что верно?

1. Во время *ар-ридды* («отступничества») преемником Пророка «праведным халифом» Абу Бакром.
2. По решению ‘Али — четвертого «праведного халифа».
3. На рубеже VII—VIII вв. могущественным иракским наместником ал-Хадждажем.
4. В X в. по инициативе Ибн Муджахида.

Какова роль «Казанских Коранов» в истории существования памятника?

Что верно?

1. Особой роли не имеет.
2. Это издание было исключительно важным для мусульман Российской империи.
3. Это первое мусульманское издание, и оно практически завершило многовековой процесс окончательной фиксации текста.
4. В существовании рукописных подражаний.